
АЛЕКСЕЙ ШИЧАНИН, ОЛЕГ ГРИВКОВ

О РОЛИ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Элита – соль, цвет и знамя нации.

Что отличает элиту от основной массы населения, что делает её таковой? Это, прежде всего, умение предвидеть на несколько ходов вперёд, это готовность к самопожертвованию во имя интересов нации и её идеалов. Это умение самоорганизовываться из узкой группы талантливых индивидов в сплочённое социальное ядро. Это способность преодолевать узкоэгоистические, корпоративные, клановые интересы во имя высоких глобальных целей.

Элита в широком смысле – это союз мудрости и трезвого житейского расчёта, духа и воли, рационального прагматизма и пассионарных, эмоциональных порывов, это союз учёного и офицера, инженера-конструктора и священника во имя сохранности и процветания Родины, во имя преодоления интеллектуального и духовного пигмейства, так называемого толерантно-извращённого либерализма. Элита – это реальное влияние на общественные процессы вне зависимости от социального статуса, а не номинальная принадлежность к различным “высоким сферам” в политике, экономике, финансах, науке, культуре.

Естественно, элита имеет сложную внутреннюю структуру, разбиваясь на политическую, научную, военную и т. п. Основной задачей политической элиты во все времена было не просто выявление системы политических, экономических и военных рисков, но и своевременный и концептуальный ответ на вызовы времени, то есть интеллектуальная прививка государства и общества и выработка комплексного иммунитета от различных негативных факторов (резкое ухудшение экономической конъюнктуры, ослабление, отсталость политической системы, сбой в социальной селекции, рекрутировании кадров из лучших представителей нации, кризис господствующей идеологии, моральных ценностей) и действий так называемой “пятой колонны”, являющейся организационным оружием в руках врагов страны и их спецслужб. При этом следует отметить, что именно борьба с системно-негативными факторами наряду с разработкой и продвижением альтернативных стратегических проектов государственного развития является важнейшей задачей элиты.

Для того чтобы конкретизировать вопрос о роли элиты, необходимо определиться с набором стратегических ориентиров и элементов, которыми должно обладать любое государство. К ним, безусловно, следует отнести реаль-

ШИЧАНИН Алексей Викторович окончил юридический факультет МГУ. Кандидат юридических наук. Автор публикаций в журналах “Российская юстиция”, “Право и политика”, “Адвокат” и др. Живёт в Москве

ГРИВКОВ Олег Дмитриевич окончил юридический факультет МГУ. Автор статей в юридических журналах. Живёт в Москве

ный суверенитет, частную собственность на средства производства, активную роль государства в процессе рыночных взаимоотношений и регулировании рынка, в том числе путём налоговой, финансовой политики, выстраивания стратегии экономического развития, патриотическую идеологию и национальную (традиционную) церковь, эффективную защиту личности, обеспечение адекватно-достижимой справедливости общества, понимая, что лозунг абсолютной справедливости и эгалитарного равенства – утопия. С учётом специфики России к этим стратегическим ориентирам необходимо отнести и закрепление в руках государства стратегических объектов национальной экономики, прежде всего топливно-энергетического комплекса и ВПК.

От общих оценок перейдём к краткому анализу конкретных фактов, иллюстрирующих роль элиты в жизни страны, на примере основных знаковых событий последнего века истории России.

Полагаем, что в истории развития России за последние сто лет было три рубежа, являющихся переломными этапами в её современной истории.

Первый исторический рубеж – события 1913–1919 гг. Макроэкономические показатели дореволюционной России впечатляют. К 1913 году Россия находилась на пятом месте по уровню промышленного развития. Россия производила зерна на 28% больше, чем США, Канада и Аргентина вместе взятые. По данным, приведённым на сайте сети “Малый бизнес Москвы – Московский центр деловой информации”, по темпам роста промышленного производства Россия опережала не только Европу, но и США. Общий прирост промышленной продукции составил в 1908–1913 годах 80%. С реформы 1861 года до Первой мировой войны производство промышленной продукции выросло в России в 12,5 раза, в то время как в Германии – в 7 раз, во Франции – в 3 раза. Прирост производства сахара с 1895-го по 1914 годы составил 248%, прирост стоимости фабрично-заводской продукции – 333%, вкладов в сберкассы – 577%. По данным, приводимым В. М. Кудровым, доля России в современных границах в мировом промышленном производстве составляла 8,9% (для сравнения, в 2000 г. – 4,4%) (“Россия в глобальной политике”, № 1, 2007 г.).

Вместе с тем возникает вопрос: почему при столь впечатляющем росте экономики в России произошли три революции – в 1905 году и в 1917 году, закончившиеся установлением большевистского режима? Почему та дореволюционная элита России не смогла удержать власть? Можно предположить, что в России повторяется одна и та же беда: и тогда, в 1917 году, и в 1991 году элита не смогла предложить альтернативный социально-экономический проект, который предотвратил бы коренной слом существующей общественной формации, и не заметила губительность крупных структурных социально-экономических диспропорций, неравенства, подрывающего социальную справедливость. Власть не учла большое значение социальной справедливости для русского национального менталитета.

Экономические успехи государства мало улучшали жизнь простых людей: крестьян, рабочих. Условия труда оставались крайне тяжёлыми. Правительство не желало идти на серьёзное реформирование политической системы.

На том историческом рубеже схожие кризисы переживали многие страны. Но только в России распад страны и общества принял такой последовательно драматический характер. Чрезмерное увлечение элиты интеллигентской рефлексией, доведённый до безумия антагонизм общества и государства подвели Россию к интеллектуальному параличу. Элита не смогла предложить реальный альтернативный проект развития, позволяющий не только выстроить правильную военную доктрину, определить союзников на данный исторический момент, но и избежать краха национально-государственной модели и установления большевистского режима.

Возникает риторический вопрос: а была ли имперская элита реальной элитой? Или это была группа спесивых, недалёковидных интеллигентов, не способных ни к анализу, ни к принятию решений, ни к взаимной поддержке и самопожертвованию во имя национальных идеалов. Поражение дореволюционной элиты свергло страну в кровавую братоубийственную войну, в известной мере подорвало этические, экономические, демографические основы русской цивилизации.

Чтобы общество было устойчивым и способным успешно преодолевать системные социально-экономические кризисы, государство должно иметь дееспособную и реалистически мыслящую элиту, состоящую из волевых стра-

тегически мыслящих интеллектуалов, а не бесконечно и непродуктивно рефлексирующих интеллигентов. К сожалению, российская дореволюционная элита не продемонстрировала необходимых интеллектуальных и волевых качеств.

Второй исторический рубеж (конец 30-х и конец 50-х годов XX века) отмечен формированием в недрах советского общественного строя новой патриотической элиты. В этот период верхушке большевиков стало понятно, что сильное государство должно базироваться на национальных интересах, на традиционном типе цивилизации. Именно смещение акцента с большевистской утопической идеи мировой революции на национально ориентированные цели способствовало здоровой консолидации элиты в целях технической модернизации страны, победы в Великой Отечественной войне, установлению некоторой преемственности СССР и Российской империи. В этой связи можно упомянуть частичную реабилитацию Русской Православной церкви в военный и послевоенный период в качестве интуитивной дани своим цивилизационным корням. Следует отметить, что в этот период происходит определённый ренессанс элиты, вышедшей из народа (маршал Жуков, управленец Косыгин, конструктор Королёв и многие другие выдающиеся деятели). Представители этой элиты обладали необходимыми качествами: умели чётко и концептуально мыслить, имели волю воплощать свои начинания, жертвовать собой ради своего народа. Именно им Россия обязана своими успехами в тот период. При этом, будучи профессионалами мирового уровня, они были большими патриотами своей страны.

Влияние этой эпохи заложило основы государственного развития и в последующие годы. Особенно ярко патриотизм профессионалов принёс свои плоды в ходе Великой Отечественной войны. Именно он послужил запалом массового героизма и самопожертвования, выявив преемственность лучших качеств русских людей на протяжении многих веков и в советскую эпоху. Пример поведения народа во время этой войны доказывает, что ценности русской цивилизации, в том числе суверенитет, независимость выше любых идеологических, экономических и политических разногласий русских людей.

Вплоть до 70-х годов уровень промышленного и научного потенциала СССР не уступал, а по некоторым направлениям зачастую превосходил соответствующие показатели ведущих западных стран. Кстати, опыт сегодняшнего Китая доказывает, что успех в социально-экономической области во многом зависит от патриотичности и приверженности традициям правящей элиты (и это несмотря на отсутствие в этой стране политического режима западного образца, что подтверждает банальный тезис о необязательной обусловленности экономического успеха демократией западного образца). Однако научно-технический и экономический прогресс были оплачены слишком дорогой ценой: репрессии значительного количества советских людей, тотальное планирование, огосударствление частной собственности, отсутствие альтернативности, конкуренции в экономической и идеологической сфере.

В то же время, по словам русского философа А. А. Зиновьева, «трагичность сталинской эпохи состояла в том, что в тех исторических условиях сталинизм был закономерным продуктом великой революции и единственным способом для нового общества выжить и отстоять своё право на существование» (Зиновьев А. А. «Русская трагедия». М., 2006). Несомненно, именно сталинизму страна обязана тем, что территориально она сохранилась в размерах Российской империи, и в отличие от империй старого образца (Британской, Австро-Венгерской или Османской) Российская продолжала существовать в новом облики.

Итак, сталинская эпоха со всем её драматизмом была обусловлена в значительной степени политической целесообразностью в условиях крушения государственности Российской империи, вызванного недалёковидностью царской политической элиты, заражённостью значительной части большевиков леворадикальными европейскими идеями – в ущерб ценностям русской цивилизации, необходимостью в сжатые сроки провести ускоренную модернизацию без вестернизации, а этого в тех условиях можно было добиться только с помощью мобилизационной экономики и политической диктатуры.

Однако при преемниках Сталина отметился значительный отход от патриотической направленности советской элиты. Сам Н. Хрущёв, провозглашая нереалистичные лозунги: «Догоним и перегоним Америку по молоку и мясу», «Коммунизм к 1980 году» (при этом и сам коммунизм им понимался не как

благородная идея, а как вульгарно-материалистическое потребительское общество) и т. п., ввязался в борьбу по правилам западного потребительского общества, в котором советский народ не мог бы выйти победителем. На деле хрущёвский режим из-за своих непродуманных действий заставлял советских людей затягивать пояса потуже и вызывал растущее недовольство государственной политикой.

Третий исторический этап (середина 80-х годов XX века по настоящее время) характеризуется неспособностью элиты справиться с нарастающим социально-экономическим кризисом. С приходом к власти Б. Ельцина новая российская элита (а по сути вырожденческая советская элита) показала свою компрадорскую сущность. По словам А. А. Зиновьева, «новая власть довела до предела капитуляцию страны перед Западом. Открыто проповедовались капитулянтские настроения» (Зиновьев А. А. «Русская трагедия». М., 2006). Возникает вопрос: а была ли альтернатива той экономической политике, которую проводила ельцинская политическая и экономическая элита?

По мнению Д. Кьезы, известного журналиста и критика ельцинской элиты, наиболее благоприятным был «экономический курс, предложенный России многими учёными с мировым именем. В том числе лауреатами Нобелевской премии по экономике Кеннетом Эрроу (Стенфордский университет), Лоуренсом Клейном (Пенсильванский университет), Василием Леонтьевым (Нью-Йоркский университет), Дугласом Нортон (Вашингтонский университет), а также известными российскими экономистами Леонидом Абалкиным, Олегом Богомоловым, Николаем Шмелёвым и другими. Эта модель разительно отличается от «гарвардской», разработанной главным образом Джеффри Саксом и Андерсом Ослундом» (Кьеца Д. «Прощай, Россия!». М., 1998). Д. Кьеце вторит Джеймс Гэлбрейт, профессор Техасского университета: «Были и такие экономисты, которые осознавали разрушительные последствия «шоковой терапии» в России. Утверждение, будто «никто не знал последствий», впоследствии широко использовалось как алиби, но оно совершенно фальшиво. Пессимистические прогнозы появлялись в печати за подписью специалистов по Советскому Союзу. Но их игнорировали в пользу противоположных суждений дилетантов, действовавших в угоду определённым политическим настроениям в США» («Слово», № 37, 13 сентября 2002).

Предоставим слово также и другим известнейшим западным экономистам. Так, известный американский экономист, профессор Колумбийского университета, лауреат Нобелевской премии 2001 года Джозеф Стиглиц, полемизируя с российскими «либеральными» реформаторами, отметил, что «имеется и другой взгляд на рыночную экономику, базирующийся на большем равенстве, которое использует силу рынков для того, чтобы обеспечить процветание не немногим гражданам, но всему обществу. То, что Россия в переходный период не сумела этого достичь, не должно вызывать удивления. Эта цель реформаторами и не ставилась. Величайший парадокс в том, что их взгляды на экономику были настолько неестественными, настолько идеологически искажёнными, что они не сумели решить даже более узкую задачу увеличения темпов экономического роста. Вместо этого они добились чистейшего экономического спада. Никакое переписывание истории этого не изменит» (Joseph Stiglitz. The ruin of Russia. The Guardian, April 9, 2003).

Джозеф Стиглиц, Дэвид Эллерман высказали сомнение о самооценности приватизации: «Известно, что частные рынки при отсутствии необходимых институтов могут оказаться ещё более сильным стимулом к краже активов и к их отвлечению от сфер, создающих богатство». В связи с этим небезынтересным окажется и мнение отца монетаризма, нобелевского лауреата по экономике Милтона Фридмана: «Вскоре после падения Берлинской стены и распада Советского Союза меня часто спрашивали: что надо сделать бывшим коммунистическим странам, чтобы иметь рыночную экономику? И я отвечал: вы можете описать это в трёх словах – приватизация, приватизация и ещё раз приватизация. Но я оказался не прав. Пример России свидетельствует об этом. Россия провела приватизацию, но так, что были созданы, по сути, частные монополии, частные системы централизованного планирования, которые заменили централизованное планирование государства. **И оказалось, что верховенство закона, наверное, более фундаментальная ценность, чем приватизация. Приватизация бессмысленна, если у вас нет власти закона**». Предоставим слово Кристофу Рюлю, главному экономисту Россий-

ского отделения Всемирного банка: “Неизменность приватизации, т. е. амнистия всех совершённых сделок, – это очень плохо с точки зрения поддержки рыночных реформ. Если не решить этот вопрос, он всё время будет приобретать политическую окраску. Сделки, в которых были особо криминальные деяния, надо пересматривать”. А вот слова другого известного западного учёного Джона Кеннета Гэлбрейта: “Говорящие о возвращении к свободному рынку времён Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить” (<http://rusref.nm.ru/indexpub173.htm>).

Как видим, среди критиков отечественных реформаторов немало сторонников и монетаризма, и кейнсианства, которые свидетельствуют о том, что реформы, проводимые ельцинской администрацией, не имели ничего общего с построением рыночной экономики западного образца, а преследовали узкокорыстную цель: присвоить национальное богатство, созданное многими поколениями русских и советских людей. Кроме того, известные экономисты с мировым именем развеяли миф о безальтернативности ельцинского экономического курса, что, впрочем, видно и эмпирически на примере более успешного реформирования экономик стран Восточной Европы и Китая.

Политика российских либералов привела к состоянию, которое напоминает фазу обскурации (разрушения культурных и цивилизационных основ народа). Эту фазу известный этнолог и историк Лев Гумилёв охарактеризовал следующим образом: “Наличие людей и нетворческих и нетрудолюбивых, эмоционально и умственно неполноценных, обладающих повышенными требованиями к жизни. В героические эпохи роста и самопроявлений эти особи имеют мало шансов выжить. Они плохие солдаты, никакие рабочие, а путь преступности в строгие времена быстро приводил на эшафот. Но в мягкое время цивилизации при общем материальном изобилии для всех есть лишний кусок хлеба и женщина. “Жизнелюбы” начинают размножаться без ограничений и, поскольку они являются особями нового склада, создают свой императив: “Будь таким, как мы”, т. е. не стремись ни к чему такому, чего нельзя было бы съесть и выпить. Всякий рост становится явлением одиозным, трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуальные радости вызывают ярость. В искусстве идёт снижение стиля, в науке оригинальные работы вытесняются компиляциями, в общественной жизни узаконивается коррупция. Всё продано, никому нельзя верить, ни на кого нельзя положиться. Ценятся не способности, а их отсутствие, не образование, а невежество, не стойкость в мнениях, а беспринципность. Но тут приходит возмездие: жизнелюбы умеют только паразитировать на жирном теле объевшегося за время “цивилизации” народа. Сами они не могут ни создать, ни сохранить. Они разъедают тело народа, как клетки раковой опухоли организм человека, но, победив, т. е. умертвив соперника, они гибнут сами” (Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2005).

Однако положение в обществе, аналогичное признакам фазы обскурации, было создано в России во многом искусственно, и антипатриотическая направленность позднесоветской и псевдолиберальной “элиты” сыграла здесь исключительную роль. По справедливому мнению известного российского политика Дмитрия Рогозина, “в нашей стране благодаря либеральной пропаганде это слово (патриотизм. – **Прим. авт.**) ещё совсем недавно было ругательным. Сколько раз на различных телевизионных и радиодебатах оппоненты, пытаясь показаться умными, бросали мне фразу: “Патриотизм – последнее прибежище негодяя”, не вспоминая, что её автор – писатель Самуэль Джонсон – сам был большим патриотом Англии, а истинный смысл сказанной им фразы звучит так: “Даже для негодяя не всё потеряно, если он патриот” (Рогозин Д. О. Враг народа. М., 2006).

Но всё-таки в состоянии обскурации находилась скорее элита, а не всё общество в целом. При этом элита продолжала навязывать губительный для России курс, суть которого заключалась не в построении общества и экономики западного образца, а квазилиберального общества, ключевые позиции в котором были заняты сомнительными личностями. Сама система выбрасывала вверх беспринципных карьеристов, ограниченных людей, которые в свою очередь подавляли всякое творчество и инакомыслие. “Они присягнули на верность людоедскому “либерализму” и мародёрским “реформам”. Они

презирают собственное Отечество, которое для них не Родина, а “эта страна”. Они называют себя “элитой”. Но они – болезнь. Морок, наведённый на Россию. Порча, разъедающая страну. Внутренний враг, который порой куда опаснее врага внешнего” (Леонтьев М. Внутренний враг. Пораженческая “элита” губит Россию. М., 2005). При взгляде на действия “либеральной” элиты невольно возникает вопрос: неужели они не понимают, что “либерализм” в их редакции не приживётся на российской почве, так как будет отвергнут русским народом?

Общим местом в СМИ стали рассуждения многочисленных авторов о предательстве и продажности российской квазиэлиты. Как афористично подметили Максим Калашников и Сергей Кугушев, “заставить эту “элиту” заботиться о стране – всё равно что пытаться сделать из стаи жадных крыс семью трудолюбивых бобров-строителей” (Калашников М., Кугушев С. Третий проект. Спецназ Всевышнего. М., 2006).

Негативные тенденции, ведущие Россию к поражению, были приостановлены в последнее время. Наметился некий поворот общественного сознания к своим цивилизационным истокам усиленным поиском национальной идентичности российского народа в новых неблагоприятных для России внешних и внутренних условиях. Это предопределило некоторое изменение социально-экономической ситуации в лучшую сторону. Да, все преобразования осуществляются медленно, а нередко выборочно и тенденциозно, но Россия устала от резких телодвижений, впоследствии признаваемых неправильными, а на ногах у неё до сих пор висят пудовые оковы ельцинско-горбачёвской катастрофы. И в этих условиях коряво забитый гол лучше красивого промаха.

Сегодня происходит формирование новой элиты – подлинных патриотов России. Воин и учёный, юрист и политик обязаны отказаться от мелких дряг, сведения счётов и направить свою энергию для политической мобилизации народа. Наша общая цель – возрождение государства, укрепление его управленческих и оборонных структур, создание надёжного заслона на пути “пятой колонны”.